

ГОРИЗОНТАЛЬ РУССКОЙ ЖИЗНИ

Мы — это не они. Они — это не мы. Община — это не общество. Они — мигранты. У них есть община. Мы — русские. У нас есть отечество. Их землячества сильнее нашего закона. В них видна их неразрывная связь со своей родиной. Мы связаны с отечеством. Мы для них чужие. Они для нас инородцы.

ГДЕ НАША РОДИНА?

Возникает вопрос: почему мы довольствуемся своим рассеянным существованием? Где наша родина? Почему мы видим только своё отечество? Отечество без родины — это казарма. Само по себе оно не может быть плодотворным. Вертикаль без горизонтали принуждает нас смотреть на всё снизу вверх. А это унизительно.

Что следует признать? То, что наше общество, как и общество вообще, устарело вместе со всеми своими институтами, всей своей демократией, федерализмом, партиями, парламентами, министерствами, волонтерами. Наше "я" тоскует по былому "мы", по сословию, или, как раньше говорили, состоянию душ. Община — это наша родина, наша горизонталь. В ней время пересекается с пространством. В общине находится, как сказал бы Ухтомский, наш хронотоп. Общество есть всего лишь опыт приобщения человека к человеку посредством слова.

Община даёт нам круг само собой разумеющихся истин. Носителем этих истин является язык. Если мы их в нём не находим, то у нас проблемы. Мы теряем основу всей нашей сознательной жизни — самоочевидное. У нас появляются слова, смысл которых для нас неясен. В общине определяется, что такое добро и что такое зло, кто мы и в чём состоит человеческое отношение к себе и к миру. Община указывает нам на тот предел, за которым возникают поступки, не имеющие в себе меры человеческого. За этими пределами, говорит нам общинный уклад, человек уже относится не к людям, а к нелюдям. Страшны не звери. Страшны нелюди. Община сама себя наделяет свободой. Она избегает внутри себя власти и не нуждается в государстве. В свою очередь государство не нуждается в автономии общины. В государстве — сила. Чем больше в нашей жизни общества, тем меньше в ней человеческого, общинного. Чем больше в нас государства, тем больше у нас формализма, бюрократии. И в этом состоит одна из главных проблем России.

Если община — это мораль, первым принципом которой является автономия, то общество — это не мораль, а власть людей средних способностей. Источник

посредственности — демократия равенства. Мерило общества — права слабого.

Государственная вертикаль требует ясного понимания границ безопасности для своих территорий. Государство — центр любого общества. Центром общины всегда было не государство, а церковь. Церковь — это мистерия, воздействие сознания на сознание. Государство — служба. Мир сегодня начинает движение от общества с государством к общине с церковью, от равенства к новому неравенству.

Связи с родиной практически исчезли из нашей жизни. Во всём видна скручиваемая обстоятельствами вертикаль отечества. Децентрализация не состоялась.

Церковь в обществе знаний отныне висит как бы в воздухе. Её отделили от государства. Община схалась, общество расширилось. Деревня исчезла, народ растворился в городе. Город — не место для веры. Что мы видим? Огромная Россия каким-то уродливым образом уместилась в небоскрёбах нескольких городов. Мы видим сжатие просторов и вольности, умножение налогов и чиновников. Откуда-то сверху мы едва слышим суровый голос отца.

Совпадают ли интересы государства с интересами русского народа?

В каких пунктах совпадают интересы нашего отечества и нашей родины? Совпадают ли интересы общества с глубинными интересами русской общины? Если у государства есть власть, то у родины должны быть деньги. Если государство умножает чиновников, то община предлагает для них систему социального доверия. Народу — община. Богатым — налоги. Элите — мораль и дисциплинированный энтузиазм.

В Русской империи границы отечества не совпадают с границами родины. Отечество выходит за пределы родины, а родина — за пределы отечества. Если бы они совпадали, то мы были бы не Россией, а, как в Европе, национальным государством. Но русские — не нация. Мы — имперцы. Всякое национальное государство мыслит себя как живой организм, то есть оно подчиняется правилу: сильный существует за счёт слабого. Для него характерны натиск и буря. Мы — не нация. Мы — смешение разных этносов. У нас за внешнюю жизнь отвечает государство, за внутреннюю — церковь и община.

Наши государственные интересы не совпадают с внутренними, с интересами того, что мы зовём своей родиной. Наша родина внутри нас. Поэтому она может быть с нами как в пределах государства, так и за его пределами. Что отсюда следует? Принимая во внимание это последнее обстоятельство, правящему классу нужно всегда учиться ограничивать государственные интересы в целях соблюдения внутренних потребностей горизонтальной организации нашего бытия, память о которой у нас пока не исчезла. Россия — не только вертикаль, но и горизонталь русской жизни.

В небольших странах Европы родилась идея сверхчеловека. Мы в России создали идею всечеловека. У нас возникло имперское сознание. Это не космополитическое мировоззрение, а сознание множества обрусевших этносов. Имперское сознание исходит из того, что у нас для всех один закон, но разные культуры, ценности, традиции, способы хозяйствования.

СМЕШЕНИЕ ЭТНОСОВ

Если Россия — смешение этносов, то обрусение народов России желательно и неизбежно. Отечеству важно понять, почему мы, русские, можем жить с другими. Отношение этносов не зависит от географического положения. Россия живёт по одну сторону нулевой изотермы января, а весь остальной мир — по другую сторону. Отношение этносов зависит от того, что мы в себе и для себя считаем светом, а что — тьмой. Если свет — это знание и наука, то это одно. Это путь развития городов с ремесленниками. Если свет — это вера и мораль, то это другое. Это путь развития школ и монастырей. На Западе возникали города для каких-то производств. В России возникали городокрепости. В первом случае развивается нечто внешнее по отношению к человеку. Во втором — на первый план выходит внутреннее развитие. Наше государственное сознание не может понять горизонтальной проблемы нашего скрытого общинного существования.

Вот, например, Польша и Россия. Поляки по крови и почве, по языку близки русским. Мы с ними братья-славяне. И мы, и они — христиане. Правда, мы взяли христианство на Востоке, в Константинополе, а они его взяли на Западе, в Риме. Мы — православные, они — католики. Тем не менее почему

бы нам, православным и католикам, не жить вместе, в одном государстве? Ведь мы родственники. Но это оказалось невозможным. Почему? Потому что у нас родины разные. И разность эта не географическая, а мистическая. У них родина — дневной галлюциноз Рима, у нас — ночной галлюциноз Константинополя. И дело здесь не в вере, а в галлюцинозе. Они — рационалисты, мы — мистики. У них — Коперник, у нас — Фёдоров с Циолковским. У них много гонора — у нас в избытке смирения. Они симулируют, мы грезим. Они нас хотели научить симуляции. Мы их хотели научить грёзам. Мы им говорили, что в основе симуляции лежит обман. Они нас предупреждали, что грёзы — это самообман. Ничего из этого соединения не вышло. Нельзя ночь превратить в день. Между нами и ними до сих пор пульсирует энергия resentmentа. Они — Европа, вернее, окраина Европы. Мы — Россия.

В назидание они оставили нам Галицию с её галлюцинациями, чтобы мы всегда помнили о несовместимости бытия с ними. Никогда с братьями-поляками у нас не будет гармоничного сосуществования. Оно невозможно. Это понимали славянофилы, и они выступили против союза с поляками, полагая, что нам лучше устроить общую жизнь с немцами в Восточной Прибалтике. И мы освоили Прибалтику. Немцы обрусели. Мы, следуя государственным интересам, напрочь забыли о своих внутренних, а также о том, что общежитие с немцами возможно, если только они не будут управлять нашей общей жизнью. Общежитие с ними возможно при других условиях. Каких именно? Оно возможно с православными немцами, но не с обрусевшими протестантами. Что получилось? Россия освоила прибалтийский регион. Прибалтийские немцы вошли в русский государственный аппарат. Нашей родиной была Россия, а нашим государством в ней стали управлять европейцы.

С точки зрения государства перенос столицы России из Москвы в Петербург считался правильным решением. С общинной, то есть внутренней, точки зрения это решение нужно признать ошибочным. Петербург — нерусский город. В нём живёт европейский дух. В нём нашла приют та часть России, которая существовала вне сословий. Москва — русский город. Она дышит православием.

В Европе геополитика имеет своей основой географию, пространственное мышление. В России геополитика должна учитывать совместимость этносов. Если

бы мы учитывали эту совместимость, то не продали бы Аляску Америке.

Этносы совместимы, если они понимают любую реальность как одну из сторон воображаемого. Принцип смешения несовместимых этносов, видимо, был хорош в США, но он не прижился в России ни на Кавказе, ни в Азии. Почему? Потому что наши политики до сих пор плохо понимают мысль К. Леонтьева о том, что для общежития нам подходят люди с эллипсоидным способом поведения.

Мы можем жить в одном государстве с киргизами, бурятами, тувинцами, монголами, но вряд ли сможем жить с китайцами. И дело здесь не в вере, не в быте, не в крови и не в почве. Суть состоит в том, что мы и они, восточные народы России, одинаково простодушны. У нас климат один. У нас даже галлюциноз один. У простодушных нет развитого второго плана сознания. А у китайцев он есть. И у финнов с японцами тоже. В этом смысле они своей рациональностью ближе к Западу, чем к России, а мы со своим простодушием ближе к Индии, чем к Китаю, ибо в Индии смешанный галлюциноз. То есть их самоочевидности извлечены из мистических созерцаний, а не из рациональных рассуждений. Мы рождены не из духа философии. Мы рождены из духа крестьянских форм общежития.

Русские пришли в Сибирь не так, как протестанты приплыли в Америку. Ермак воевал не с этносами, не с общинами, а с властью, которой местное население платило дань. Русские изменили внешнюю вертикаль власти, но сохранили внутреннюю жизнь народов: их быт, их мораль, их веру. И у нас, и у них был один общинный галлюциноз.

Европейцы встретили в Америке индейцев. Что они стали делать? Отстреливать их, как опасных животных. Вместо индейцев они стали завозить рабов из Африки.

При этом испанцы вели себя иначе — как русские. Они вступали в аборигенами в социальные отношения. Женились на индианках, вождям давали дворянство, туземцев наделяли землёй. В Южной Америке возникли новые нации.

Но Россия — не нация. И время формирования национальных организмов прошло. Россия — не гостиница для народов, пожелавших сделать себя нациями.

Сегодня наступило время великих объединений. Федерация народов — это не союз общин. Русское государство одно. Общин в нём много, и каждая сама определяет свою внутреннюю жизнь.

В ИЮЛЕ 1914 ГОДА началась Первая мировая война. Интеллигенция в России отнеслась к ней по-разному. Характер этого отношения определялся соотношением русскости и европейскости в сознании интеллигенции. Уровень патриотизма можно было наблюдать по трём непартийным журналам: "Столица и усадьба", "Аполлон" и "Логос".

Глянцевый журнал "Столица и усадьба" никак не отреагировал на войну. Он повернулся спиной к реальности. На обложке издатель В.П. Крымов поместил "Портрет княгини Ольги Орловой" В. Серова. Ни мобилизации, ни русского авангарда издание о красивой жизни не заметило. Его европейскую ориентацию скрасило присутствие на обложке гениального "Вихря" русского художника Филиппа Малявина. Почему европейски ориентированный журнал поместил "Вихрь", до сих пор неясно. Может быть, потому что Третьяковская галерея купила эту картину?

Редактор журнала, однажды встретившийся с Л.Н. Толстым в Ясной Поляне, спросил его: "Как жить?" — "По совести", — отвечал Толстой. — "Но у меня нет совести!" — воскликнул Крымов. На этом встреча с Толстым закончилась.

Скандалом закончилась и публикация в 1915 году в журнале фотографии скульптуры Х.Д. Рауха, которая изображает дочь Николая I в образе обнажённой Венеры. Журнал "Логос" создавался для развития русской философской мысли, но так и не стал убежищем для отечественной философии. В нём нашли приют Гуссерль и входящая в моду феноменология. И этот факт до сих пор составляет европейскую гордость поклонников "Логоса".

Журнал "Логос" вообще ничего не сказал о войне. Он прекратил своё существование в 1914 году. "Логос" был непопулярен в России. Спроса на него не было. Этот журнал привлекал авторов самыми высокими в Европе гонорарами. Во время войны редакторы журнала были интернированы в Германии. Ф. Степуна мобилизовали в русскую армию.

Фёдор Степун — единственный философ России, воевавший на той мировой войне. Он немец. Зовут его Фридрих. Он назвал себя Фёдоров. В нём не было ни одной капли русской крови. Но он как русский воевал с немцами. Почему он русский? Потому что, как он говорил, успел надыхаться просторами России. Был в Сибири, набирал пополнение для фронта. Кривые линии русского сознания скрутились в нём так, что он понял войну как свою собственную.

Как на фронте относились солдаты-сибиряки к войне? Не аналитически. Они не спрашивали, кто виноват, не анализировали, чья инициатива и каковы цели войны. Они, по словам Степуна,

говорили так: сама война с того света пришла. Никто её не начал. Пора для неё настала. Сама она и закончится.

И ещё. Степун заметил, что солдаты недоброжелательно относились к добровольцам в армии. И, как уточнял Степун, даже с некоторым презрением. Почему? Солдаты — это крестьяне. Сословное сознание говорило им, что их обязанность держать хозяйство, пахать и сеять. Но если пришла война, то они обязаны воевать. У крестьян не было выбора. Это было одно сознание. У добровольцев оно было другим. Добровольцы — интеллигенция, внесословные кочевники. Они могли выбирать. Истоки этого выбора лежат в разночинцах, которые, получив образование, исключались из податного сословия. Они — выходцы из духовенства, мещанства, семей оставших солдат, дети личных дворян. И одновременно они не состояли на службе у государства, а существовали на доходы от умственного труда.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВОЙНА

Сознание добровольцев было партийным. Крестьяне были из общины. Партийное сознание интеллигенции не было обременено заботой о хозяйстве. И крестьяне это чувствовали.

Солдаты говорили: мы здесь на войне, потому что судьба у нас такая — землю пахать и воевать. А у них, у добровольцев, не судьба причина их поведения, а фантазия. В сложнорганизованном обществе в одном сословии было одно сознание. В другом — другое. У крестьян общинное. Оно отсылало к целому, к судьбе. В сословии дворян сознание основывалось на чувстве чести. Оно диктовало человеку необходимость быть безупречным перед самим собой. У интеллигенции сознание было партийным, то есть проевропейским. Оно было заполнено книжными идеологическими фантазиями. Крестьянин не фантазирует, интеллигент не пашет. Поэтому крестьяне смотрели на добровольцев с недоверием.

Аристократический журнал "Аполлон" печатал патриотические стихи. Воевать никто из "аристократов" не собирался. Воевать с кем? С Европой? Бред. "Аполлон" занялся мистификацией патриотизма. Девятнадцатилетний Георгий Иванов, следуя духу офици

*Простреленных знамён
столетний шёлк,
Твоих знамён,
Конногвардейский полк!*

*Смерть не страшна,
и слава впереди.
Самоотверженья
огонь в груди.*

*Лети, молва,
чтоб Родине принести
О брани славной
и победе вести!*

*Сломил героев
схватки бурелом,
И ангел смерти
осенил крылом,
Но вечности
их память предана,
И доблестью покрыты имена.*

Для Иванова Первая мировая война была не войной, а схваткой конных гвардейцев с каким-то буреломом. "Столетний шёлк", "самоотверженье", "принести", "брань", "победа" — всё это жалкие, лицемерные и пустые слова поэта. Более без-

дарных стихов найти у Иванова невозможно.

Георгий Иванов избегал мобилизации. Конечно, он был ещё молод, и всё у него было впереди. Его пока не выслали из России, и он ещё не извлек себя из своих галлюцинаций. Он ещё не стал поэтом.

Игорь Северянин патристически убеждал читателя:

*"Когда отечество в оне,
И нет воды —
лей кровь, как воду".
Вот что в укор поставить мне
Придётся вольному народу:*

*Как мог я, любящий свободу,
Поющий грёзовый запой,
Сказать абсурд такой в угоду
Первую зорбости слепой?!*

Северянин не гордился Россией. Его гордость слепа и абсурдна. Северянин орошивает читателей набором вымученных слов: "любоверод" — "громоотвод", "коду" — "оду", "природу". "Грёзовый запой" — вершина фальши его поэзии. Читатель вряд ли под влиянием этих стихов пойдёт на фронт. Сам Северянин не пошёл на фронт. Он был патриотом в тылу.

Сергей Маковский, сын художника, изучал казённый оптимизм вдали от войны.

*Да будет! Венгера и теотона
Сметут крылатые знамёна
Ивановских богатырей!
И ты воскреснешь, Русь...*

Сергей Городецкий юродствовал далеко от фронта:

*Но не страшно бабьему
Сердцу моему,
Опянусь саблею
И ружьё возьму...*

Михаил Кузмин заявлял эстетически отстранённо:

*Мы все ещё не привыкли,
Что сделалась
смерть проста.
Пуля, копьё ли, штык ли, —
Одинаково рана свята.*

*...Учебники нам солгали,
Что подвигам время прошло.
Сердце болит от печали,
Но на душе —
сознайтесь — светло.*

Наивность Кузмина контрастирует со стихами Анны Ахматовой "Июль 1914":

*Пахнет гарью.
Четыре недели
Торф сухой по болотам горит.*

*Даже птицы сегодня не пели,
И осина уже не дрожит.*

*Стало солнце
немлостью Божьей,
Дождик с Пасхи
полей не кропил.
Приходил одноглазый прохожий
И один на дворе говорил:*

*"Сроки страшные близятся.
Скоро*

*Станет тесно
от свежих могил.
Ждите глада, и труса, и мора,
И заплемня небесных светил.*

*Только нашей
земли не разделит
На потеху себе супостат:
Богородица белый растелет
Над скорбями великими плат".*

Как относились к войне поэты Серебряного века? Это была не их война. "В сущности, только мы двое честно отнеслись к войне: я и Гумилёв. Мы пошли в армию и сражались. Остальные поступили как мошенники..." Это сказал поэт Бенедикт Лившиц в разговоре с Корнеем Чуковским. Кто эти "остальные"? Георгий Иванов, Михаил Кузмин, Осип Мандельштам и другие, то есть сословие (цех) поэтов. Все они были связаны с журналом "Аполлон". Интеллигенция самореализовывалась. Для войны с Европой у них не было причин.

Гумилёв — дворянин. Он — доброволец, то есть носитель чести и достоинства. Светские

круги и интеллигенция негласно осуждали поступок тех, кто шёл на войну добровольцем. Но мотивы у них были не крестьянские, а космополитические. При этом все, кто оставался в тылу, писали угодные власти патристические стихи.

У Гумилёва был белый билет. Он официально навсегда был освобождён от армии. Поэт добивается признания себя годным к службе, бросает двухлетнего сына Лёву и идёт рядовым кавалеристом во взвод разведки. Георгиевский крест Гумилёву вручала императрица Александра Фёдоровна. Дворянское сознание Гумилёва не совпадало с партийным сознанием интеллигенции. В "Бродячей собаке" он, вернувшись с фронта, читал своим товарищам по цеху стихи:

*Та страна,
что могла быть раем,
Стала логовищем огня.
Мы четвертый
день наступаем,
Мы не ели четыре дня.*

*Но не надо ятева земного
В этот страшный
и светлый час.
Оттого что Господне слово
Лучше хлеба питает нас.*

*И залитые кровью недели
Ослепительны и легки.
Надо мною реутся шрапнели,
Птиц быстрей
взлетают клинки.*

*Я кричу, и мой голос дикий.
Это медь ударяет в медь.
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть.*

*Словно молоты громовые
Или волны гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьётся в груди моей.*

*И так сладко рядить Победу,
Этот девушку, в жемчуга,
Проходя по дымящему следу
Отступающего врага.*

Позже попал на фронт и Есенин. Он — разночинец. Его уже опекали. Линия его сознания другая. На службу в санитарный поезд императрицы его рекомендовал Дмитрий Ломан и Николай Клюев. Здесь мы видим обращение к внесословным инстинктам чистого "я". В 1917 году Есенина направили в школу прапорщиков. Он покинул часть и в школу не явился. В 1925 году в "Анне Снепиной" Есенин напишет:

*Война мне всю душу изъела.
За чей-то чужой интерес*

*Стрелял я мне близкое тело
И рубью на брата лез.*

*Я понял, что я — иауришка,
В тылу же купцы да знают,
И, твёрдо
протискиваясь с пушками,
Решил лишь в стихах воевать.*

*Я бросил мою винтовку,
Купил себе "лпы", и вот
С такою-то подоготовкой
Я встрелит семнадцатый год.*

Я, говорит Есенин, был первый в стране дезертир. И это уже крестьянское сознание мучило его, раздирая на части.

Маяковский не был дезертиром. Его призывали в армию, и он, по просьбе Горького, был устроен в военно-автомобильную школу в Петрограде. Он — городской обыватель. Гений-разночинец. Маяковский бунтил и в армии.

Сложнорганизованное русское общество разлагалось. Всем захотелось универсального равенства. Война делает равными всех. Если все равны, то всем без исключения нужно было идти на войну. Но хотели идти не все. Образованное общество хотело войну передать деревенским мужикам.

Что такое "мужик" и чем он отличается от интеллигента, рассказал миллионер В. Рябушинский: "Начитанный, богатый купец-старообрядец с бородой и в русском длиннополом платье, талантливый промышленник-хозяин для сотен, иногда тысяч человек рабочего люда и в то же время знаток русского искусства, археолог, собиратель русских икон, книг, рукописей, разбирающийся в исторических и политических вопросах, любящий своё дело, но полный и духовных запросов — такой человек был "мужик", а мелкий чанцелярист, выбритый, в западном камзоле, схвативший кое-какие вершущи образования, в сущности, малокультурный, мужика глубоко презирающий, один из предков грядущего русского интеллигента, — это уже "барин". Так продолжалось до половины XIX века почти без изменения, но некоторые черты такого разделения дожили и до начала XX века, вплоть до революции".

Мужик — это локализация принадлежности к общинному духу крестьянского общежития. Его род — это сознание людей, связанных рождением и жизнью на земле, а не знанием.

Рябушинского поддерживал и Степун. Он писал в "Бывшем и несбывшемся": "Варварство" русского мужика ближе к подлинным высотам культуры, чем средне-интеллигентская образованность".

В примитивно организованном обществе обращаются к инстинктам человека, сблизняют его социальными ролями, амнистией и деньгами.